

Секция «20.2 Глобальная экономика в условиях больших вызовов»

Поворот на Восток: трансформация экспортной модели российского ТЭК и развитие энерготехнологий как ответ на большие вызовы

Научный руководитель – Юдина Тамара Николаевна

Ужаков Никита Вадимович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
глобальных процессов, Москва, Россия
E-mail: uzakov.waterpolo@yandex.ru

Понятие «большие вызовы» в современной энергетике вышло за рамки чисто экономических или связанных с климатом категорий. Для Российской Федерации в период 2022-2026 годов этот термин был наполнен конкретным геополитическим содержанием. Среди ключевых вызовов - беспрецедентное санкционное давление со стороны «недружественных» стран, включая эмбарго на углеводороды, отказ от долгосрочных контрактов, технологические блокады (запреты на добычу газа и оборудование для сжижения), а также попытки искусственного ограничения цен. Волатильность мировых цен и ускоренный «зеленый переход» на Западе дополнили картину неопределенности.

Актуальность исследования связана с тем, что были разрушены старые логистические и технологические цепочки, которые десятилетиями были ориентированы на европейский рынок и западный импорт оборудования. Это потребовало от России срочной корректировки. Целью данной работы является анализ того, как внешнее давление стимулировало глубокие внутренние изменения в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) России, а именно: радикальная переориентация экспортных потоков и ускоренное развитие собственных энергетических технологий. Исследовательская проблема заключается в противоречии между необходимостью сохранения энергетического суверенитета и разрушением устоявшихся логистических и технологических связей под внешним давлением.

Главным вектором реструктуризации внешней торговли стал «поворот на Восток». Произошли кардинальные изменения в географии поставок. Если в 2021 году доля Европы в российском нефтяном экспорте превышала 50%, то к 2025 году основными покупателями стали Китай и Индия. Россия быстро перенаправила потоки, увеличив пропускную способность восточных маршрутов: увеличена пропускная способность нефтепровода ВСТО (Восточная Сибирь - Тихий океан), расширена инфраструктура портов Приморья и Пригородного. В угольной отрасли переориентация на рынки АТР также стала основным драйвером загрузки Северного морского пути и дальневосточных терминалов. В газовом секторе на фоне потери европейского трубопроводного рынка ключевым проектом стало ускоренное развитие газопровода «Сила Сибири» и активный поиск новых маршрутов, в том числе проекта газопровода через Монголию («Союз Востока»). При этом акцент был сделан на развитие производства сжиженного природного газа (СПГ) на севере страны («Ямал СПГ», «Арктик СПГ 2»), что позволяет диверсифицировать поставки морским транспортом в любую точку мира.

Однако трансформация сталкивается с серьезными проблемами. Увеличилась логистика, увеличилась нагрузка на Восточный железнодорожный полигон (БАМ и Транссиб), дефицит которого стал «узким горлышком». Кроме того, возникла необходимость создания «теневого» или альтернативного танкерного флота для обхода санкционных ограничений на страхование и перевозки. В финансовой сфере произошел переход на платежи в национальных валютах (рубль, юань, рупия) и создание независимых от SWIFT каналов связи, что заложило основы новой денежно-финансовой архитектуры международной торговли энергоресурсами. Уход западных сервисных гигантов (Schlumberger, Baker

Hughes) и производителей оборудования стал не только критическим вызовом, но и катализатором развития собственной энергетики. В секторе СПГ наиболее остро стоит доступ к крупномасштабным технологиям сжижения. Уход технологических партнеров (Linde, Technip) заставил их разрабатывать собственные решения. Российские инженеры создали и технологию «Арктический каскад», а также приступили к локализации производства криогенных компрессоров и теплообменников. Критическим условием реализации арктических проектов стало развитие атомного ледового флота (ледоколы проекта 22220), обеспечивающего круглогодичную навигацию на Северном морском пути. В нефтедобыче акцент сместился на импортозамещение в сегменте трудноизвлекаемых (ТРИЗ). Разработаны отечественные системы ГРП, создана линейка погружного насосного оборудования и собственное программное обеспечение для геологического моделирования, предназначенное для замены продукции зарубежных компаний. Сформированы государственные и корпоративные инжиниринговые центры для обслуживания сложных месторождений без заключения контрактов с недружественными странами. Цифровизация процессов майнинга и управления также переведена на российское ПО, что позволило снизить уязвимость инфраструктуры.

Адаптация привела к формированию новых технологических альянсов. Россия активизировала сотрудничество с Китаем в области поставок нефтехимии и оборудования, а также подражает опыту Ирана в работе в условиях жестких санкций. Азиатские страны не только становятся покупателями ресурсов, но и становятся инвесторами в новые инфраструктурные проекты внутри РФ, частично компенсируя потерю западного капитала. Тем не менее новая модель несет в себе высокие риски. Самое главное, существует угроза вторичных санкций в отношении финансовых и логистических партнеров третьих стран, которые могут замедлить реализацию проекта. Вторым риском является рост производственных и транспортных расходов из-за удлинения логистики и усложнения технологических процессов. Но положительный эффект очевиден: зависимость от волатильного и политизированного европейского рынка уступила место диверсификации предложения. Критические технологические сегменты перешли в замкнутый цикл отечественного производства, который в перспективе формирует базу для экспорта не только сырья, но и технологий.

Под беспрецедентным внешним давлением российская энергетика продемонстрировала высокую адаптивность и способность к реинжинирингу напряжений. Принципиальные изменения произошли в двух направлениях: географическом (переориентация экспорта на рынки АТР и Глобального Юга) и технологическом (вынужденное импортозамещение и приобретение компетенций в критических сегментах). Долгосрочным эффектом этих процессов станет формирование многополярной модели мирового энергорынка, в которой Россия выступала бы не просто как поставщик сырья, а как полноценный технологический партнер и гарант энергобезопасности для стран Востока и Юга.

Источники и литература

- 1) Халова Г.О., Беседина С.С. Сотрудничество Российской Федерации и государств Азиатско-Тихоокеанского региона в энергетической сфере // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 4. С. 107–119.
- 2) Научно-технический совет КНТР обсудил развитие энергетических технологий // Российская академия наук. 2026. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0324c56-9f7e-441d-b74c-6a9e64da53a2>
- 3) Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2036 года : Распоряжение Правительства

РФ от 25.02.2026 // КонсультантПлюс. 2026. URL: <https://www.consultant.ru/law/review/209637816.html>

- 4) Капканщиков С.Г. Антироссийские санкции: структурный аспект // Международная экономика. 2026. Т. 23. № 1. С. 5–26. DOI: 10.33920/vne-04-2601-01.
- 5) Бессель В.В., Лопатин А.С., Мартынов В.Г., Мингалеева Р.Д. О переориентации экспортных потоков нефти из России на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Нефтяное хозяйство. 2023. № 8. С. 12–17. DOI: 10.24887/0028-2448-2023-8-12-17.
- 6) Семикашев В.В. «Не терять добычу»: выгодно ли России оставаться в ОПЕК+? // Монокль. 2026. URL: <https://ecfor.ru/publication/eksport-nefti-gaza-i-dobycha-rossii>